

Тьма.

Густая, удушающая тьма.

Будто завяз в ледяном болоте из вязкого битума.

Ричард отчаянно боролся, но каждое движение стоило нечеловеческих усилий. Инстинкт самосохранения гнал его вверх, однако в глубине души зрел искушающий голос: сдавайся, погружайся, как же это легко... Тело разрывало на части, пот — или это была болотная жижа? — пропитал одежду, которой здесь даже не должно было быть, липко облепляя кожу.

Он опустил взгляд и с ужасом осознал, что всё ещё барахтается на том же самом месте.

— Что за чертовщина... неужели я наконец умираю?

Он тяжело дышал, готовый просто нырнуть в эту вечную тьму и покончить со всем.

И в этот миг, на грани полного краха —

Хлюп.

Струя прохладной, напоенной странной жизненной силой воды внезапно обрушилась сверху. Стоило вязкой тьме соприкоснуться с ней, как она, подобно чернилам в чистой воде, мгновенно растворилась, расщепилась и очистилась. Тяжелое болото в одночасье превратилось в ласковый холодный источник, приносящий такое облегчение, что Ричард невольно застонал.

Что происходит?

Не успел он осмыслить это, как случилось нечто еще более жуткое: в центре его груди внезапно разверзлась глубокая черная дыра, и та самая животворная вода, что струилась вокруг, начала бесконтрольно всасываться в эту бездну.

— Черт возьми! — в приступе неистового ужаса Ричард резко сел на кровати, сердце в груди колотилось, словно барабан.

Зрение сфокусировалось на паре черных глаз, полных тревоги.

А-Хай.

В руках он держал стакан, вода в котором слегка подрагивала — очевидно, он только что пытался напоить Ричарда.

— ...Подавился? — голос А-Хая звучал растерянно.

— Нет, всё в порядке, — Ричард часто дышал, подавляя остатки страха, и постарался выдавить из себя ободряющую улыбку. — Просто приснился какой-то жуткий сон.

Он поспешно перевел тему, забрал стакан и выпил всё до дна. Жажда в горле мгновенно утихла, а ощущение комфорта, словно его тело только что омыли той самой живительной водой, стало еще отчетливее.

— Спасибо, А-Хай. Откуда ты узнал, что я хочу пить? Налей еще.

Его состояние было пугающе хорошим.

Проснувшись, он обнаружил, что вчерашняя изматывающая лихорадка исчезла без следа. Он чувствовал такой прилив сил, будто мог десять раз обежать вокруг виллы. А если добавить к этому красавца, дежурившего у постели и заботливо переодевшего его в пижаму... Такое обращение заставляло его чувствовать себя на седьмом небе от счастья.

Из кухни потянуло... э-э, трудноописуемым запахом еды. Вскоре А-Хай принес большой поднос, на котором стояла дымящаяся миска с лапшой и стакан воды.

Он жестом велел Ричарду сесть, вытянуть ноги, а затем осторожно поставил поднос ему на колени, так бережно, словно боялся сломать хрупкое перо.

— Прости, — А-Хай отвел взгляд, и кончики его ушей подозрительно покраснели. — Я не очень хорошо разбираюсь в... местных приправах, вкус может быть... — На этом лице, столь изящном, что оно казалось нереальным, промелькнуло смущение, которое смягчило его обычную отчужденность и сделало его по-своему неуклюжим и милым.

Ничего, с таким лицом, как у тебя, я бы и ножку стола с аппетитом сгрыз, — подумал про себя Ричард.

Однако, когда первая порция лапши оказалась во рту —

Неописуемый коктейль из невыносимой соли, странной сладости, едкой остроты и густого привкуса масла мгновенно взорвался на языке.

Выражение лица Ричарда застыло. Он бросил на А-Хая свирепый взгляд, будто собирался прожевать его самого в качестве гарнира.

В следующую секунду, глубоко вдохнув, он с видом человека, идущего на эшафот, почти проглотил всю порцию целиком, даже не жуя.

— ...Кхм, кхм! — отставив пустую миску, он схватил стакан и залпом выпил воду, чувствуя, как его вкусовые рецепторы корчатся в агонии.

Придя в себя, он тут же нацепил на лицо максимально восторженную (и слегка перекошенную) улыбку:

— А-Хай, ты просто мой спаситель! После этой лапши я чувствую, что все болезни сбежали, я исцелился на месте!

А-Хай застыл, на его лице отразилось недоверие, он начал отнекиваться:

— Нет, нет, это просто твой организм крепкий, быстро восстановился...

Они обменялись парой любезностей, и атмосфера стала чуть менее напряженной. Ричард, улучив момент, начал мягко расспрашивать, и, в конце концов, разговорил А-Хая. Тот, поколебавшись, дал довольно расплывчатые объяснения.

Он приехал из страны С. У него здесь были родственники, но взрослые погибли в результате несчастного случая, оставив ребенка в полном одиночестве.

А-Хай проделал долгий путь через океан, надеясь забрать ребенка и воспитать его, но оказалось, что того уже усыновили. Личность усыновителя была окутана тайной, следы затерялись, никаких вестей не было.

Сердце А-Хая сгорало от тревоги, но он был бессилен. Огромное чувство вины и горечь поражения сломили его, и он, потерянный, сидел на той скамейке, погрузившись в пучину отчаяния.

— ...Вот так всё и было. А потом я встретил тебя, Ричард, — закончил А-Хай, опуская густые ресницы, скрывающие бурю чувств в глубине глаз. Но глубокое раскаяние и беспомощность, казалось, вот-вот выплеснутся наружу.

Он словно снова провалился в воронку самобичевания и начал бессознательно бормотать себе под нос:

— Я не могу отпустить... никак не могу... Что сейчас с этим ребенком? Хорошо ли ему? Или... если бы я мог приехать пораньше... хоть немного пораньше...

Вот оно что, — Ричард погладил подбородок, всё понимая. Источник подавленного состояния А-Хая был именно в этом.

Информационная сеть спецслужб...

В голове промелькнула мысль. Как член секретного подразделения, он действительно имел доступ к данным, недоступным обычным людям. Может, получится помочь А-Хаю найти ребенка?

Но служба была под грифом секретности, и если А-Хай начнет расспрашивать, объяснить всё будет непросто. Да и давать обещания, в выполнении которых он не был уверен, Ричард не решался.

Он запомнил ключевые детали, сохраняя невозмутимый вид, и осторожно продолжил расспросы:

— А-Хай, ты помнишь, как выглядел ребенок? Как его зовут, какие-то особые приметы? Я знаю здесь некоторых людей, может, смогу разузнать что-нибудь для тебя, — Ричард говорил искренне, с идеально выверенной ноткой участия.

Однако, как только прозвучали эти слова, А-Хай словно замер.

Вся его уязвимость и желание выговориться мгновенно исчезли. Он поднял голову, в глазах снова появилась та же пустота, что и при первой встрече. Он смотрел прямо перед собой, погрузившись в мертвую тишину.

Холодная реальность окатила Ричарда ледяным душем.

Черт, он чуть не забыл: сколько они знакомы? Встретились вчера вечером на улице, сегодня утром обменялись именами (одно из которых, скорее всего, фальшивое), пять минут назад начали откровенничать... Это знакомство в лучшем случае тянуло на уровень просто случайных прохожих. Расспрашивать о вещах, затрагивающих личную жизнь и источник глубокой боли, было действительно бестактно.

— Я сказал что-то не то? — Ричард сразу смягчил тон, добавив нотки извинения. — Прости, А-Хай, я не хотел...

— Нет, это моя вина, — А-Хай, будто очнувшись, перебил его. — Мне не следовало рассказывать тебе об этом. — Он встал, его движения снова стали жесткими и механическими, а голос — отчужденным. — Тебе нужно отдохнуть после болезни. Я... э-э... пойду помою посуду, а потом не буду тебя беспокоить.

Хочешь уйти? Как бы не так.

— А-Хай. — Ричард снова протянул руку и точно ухватил край плаща А-Хая. Сила была небольшой, но в жесте чувствовалась непреклонность.

Он поднял взгляд, полный искренности, почти умоляющий:

— Ты проделал такой долгий путь из страны С, ты мой гость. А я, как местный житель, уже проявил неуважение, не оказав должного приема. К тому же, ты спас меня и ухаживал всю ночь. Если я отпущу тебя вот так, я сам себя буду корить до конца дней. — Он помолчал и задал более острый вопрос: — Тебе ведь... на самом деле некуда идти, верно? Твои родственники в стране Б... их ведь больше нет?

Тело А-Хая напряглось.

— А-Хай, — голос Ричарда стал тише, с оттенком почти жестокой прямоты. — В стране Б очень строгий контроль за судьбами сирот. Усыновление — это не детская игра. Живых должны предъявить, а если мертвы... должны быть тела.

А-Хай содрогнулся, словно эти слова нанесли ему удар в самое сердце. Он резко выдернул край плаща из рук Ричарда с такой силой, что у того онемела тыльная сторона ладони.

Значит, так.

Ричард всё понял: А-Хай давно знал ответ, просто, подобно страусу, не хотел смотреть правде в глаза. Он больше не колебался и высказал всё самое жестокое и реалистичное:

— То, что уже случилось, не изменишь ни переживаниями, ни сожалениями. А-Хай, важно то, что сейчас. Чего хочешь ты сам? Если ты все равно хочешь узнать судьбу этого ребенка, я помогу. Я буду искать вместе с тобой.

Тишина.

Удушающая тишина заполнила комнату.

А-Хай застыл, словно окаменевшая статуя, стоя спиной к Ричарду. Лишь подрагивающие плечи выдавали бурю, бушующую внутри. Казалось, он привык использовать эту полную тишину, чтобы отгородиться от боли, которую не мог вынести.

Ричард откинулся на подушки, сердце его бешено колотилось, но он заставлял себя сохранять спокойствие, не сводя пронзительного взгляда с напряженной спины А-Хая.

Время тянулось секунда за секундой.

Наконец —

— ...Фух.

Долгий, тяжелый вздох, будто вытянувший все силы, сорвался с губ А-Хая. Его высокая фигура пошатнулась, словно из нее вынули стержень, и он бессильно, беззвучно осел на холодный пол, прислонившись спиной к краю кровати.

Он запрокинул голову, невидящим взглядом уставившись в потолок. Губы его дрожали, произнося разбитый, полный отчаяния шепот:

— Ты прав... в этом нет смысла...

— Я пришел слишком поздно...

— ...

— В конце концов...

Его голос стал до боли сухим, пропитанным усталостью сквозь долгие годы и разъедающим раскаянием:

— Я... опоздал на четырнадцать лет.

Четырнадцать лет?

Эта цифра, словно удар молнии, поразила сознание Ричарда.

Все нити мгновенно сплелись воедино: смутные детские воспоминания, навязчивая тяга к темным волосам, застывшее во времени лицо А-Хая, то разрывающее сердце волнение при первой встрече...

Черт возьми.

Зрачки Ричарда сузились, кровь, казалось, ударила в голову, а потом мгновенно застыла. Абсурдная, но пугающе ясная мысль с непреодолимой силой пустила корни в его сердце:

В этом городе, ребенок, попавший в приют четырнадцать лет назад, усыновленный и стертый из всех записей...

Неужели...

Это я?

<http://bllate.org/book/18654/1797914>